

24. Сулейменов А. Мангистау – эпицентр политических интересов. // Qazaqstan tarihu: электрон. научн. журн. URL: [http:// https://e-history.kz/ru/projects/show/23260/](http://https://e-history.kz/ru/projects/show/23260/) (дата обращения: 17.06.2020).

25. Султангалиева Г. С. Казахское чиновничество Оренбургского ведомства: формирование и направление деятельности (XIX) // Acta Slavica Iaponica. Т. 27. Р. 77–101.

26. Такой далекий берег. URL: <https://proza.ru/2019/07/08/1332/> (дата обращения: 12.06.2020).

27. Трифионов Н. К., Бураго А. М. Верхнемеловые отложения Мангышлака. Стратиграфия и фации // Труды ВНИГРИ. Л.: Гостоптехиздат, 1960. 200 с.

28. Турсунова М. С. Казахи Мангышлака во второй половине XIX века. Алма-Ата: Наука. 1977. 182 с.

29. Юдин П. Адаевский бунт на полуострове Мангышлаке в 1870 г. // Русская старина, № 7. 1894. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Adaev_bunt_mangyslak_1870/text.htm (дата обращения: 17.06.2020).

Р. Ю. Почекаев

(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург)

ТУРКЕСТАНСКИЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ

М. Г. ЧЕРНЯЕВ И Н. О. ФОН РОЗЕНБАХ И ПРОТЕКТОРАТЫ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ И ПРАВОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ¹

Аннотация. Целью исследования является анализ политики ближайших преемников К. П. фон Кауфмана на посту туркестанского генерал-губернатора – М. Г. Черняева и Н. О. фон Розенбаха в отношении Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Выявляются основные направления политики начальников края в целях закрепления статуса среднеазиатских ханств как протекторатов Российской империи, прослеживаются действия начальников края в выстраивании отношений со среднеазиатскими монархами. Источниками являются официальные документы и свидетельства современников, включая записки самих Черняева и Розенбаха, также привлекается исследовательская литература – от «классических» до новейших работ (как российских, так и зарубежных). Актуальность исследования заключается в неразработанности данного аспекта истории развития отношений Российской империи с ее протекторатами в Средней Азии: исследователи жизни и деятельности М. Г. Черняева больше внимания уделяют его действиям в Средней Азии в первой половине 1860-х гг. и другим направлениям (в первую очередь – участию в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.), личность же и деятельность Н. О. фон Розенбаха вообще весьма скудно освещены в историографии. Автор приходит к выводу о том, что политика

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00162), реализуемого в Институте языков и культуры имени Льва Толстого.

преемников фон Кауфмана в отношении Бухары и Хивы основывалась, с одной стороны, на особенностях личных позиций Черняева и фон Розенбаха по встраиванию отношений со среднеазиатскими монархами, с другой – на специфике их правового статуса, в рамках которого у них было гораздо меньше возможностей реализации властных полномочий в отношении среднеазиатских ханств, чем у Кауфмана.

Ключевые слова: Центральная Азия, вторая половина XIX в., Российская империя, Бухарский эмират, Хивинское ханство, протектораты, Туркмения, Большая игра, традиционное государство и право.

Деятельность К. П. фон Кауфмана по-разному оценивалась исследователями: дореволюционные отечественные авторы превозносили его успехи в расширении владений Российской империи и укреплении ее позиций в Средней Азии, советские исследователи осуждали жесткие методы покорения местного населения и управления им. В западной историографии даже высказывалось мнение о том, что политика К. П. фон Кауфмана, равно как и его преемника М. Г. Черняева, носила авантюрный характер, и лишь третий туркестанский генерал-губернатор Н. О. Розенбах всерьез взялся за развитие русской Средней Азии¹. Подобная оценка деятельности К. П. фон Кауфмана западными историками в значительной степени была предсказана им самим: «Само беснование Англии должно было не пугать наше правительство, а радовать его. Если наше движение в Азии приводит англичан в такое неистовство, то, значит, оно верно попадало в цель, для кого-то опасную, следовательно, непременно полезную нам»². Развивая его мысль, можно согласиться, что, давая уничижительную оценку его действиям, западные авторы поневоле признавали их важное значение для России и ее политики в Центрально-Азиатском регионе.

Однако не приходится сомневаться, что Кауфман установил весьма «высокую планку» в управлении Русской Средней Азией, включая и взаимоотношения с протекторатами, и всех его преемников волей-неволей сравнивали с первым туркестанским генерал-губернатором, причем, как правило, сравнение было не в пользу последних³. Однако у последующих начальников Туркестанского края не имелось столь значительных полномочий, какими был наделен сам Кауфман, так что им изначально не было суждено сыграть такой роли в российской полити-

¹ Pierce R. A. *Russian Central Asia 1867–1917: A Study in Colonial Rule*. Berkeley, Los Angeles, 1960. P. 103.

² Цит. по: Толбухов Е. Устроитель Туркестанского края // Исторический вестник. 1913. № 6. С. 906–907.

³ Известный российский дипломат Н. Ф. Петровский в одном из своих писем писал: «Один очень умный туземец говорил мне: “Прежде мы бранили Кауфмана, думали, что в Петербурге есть много его лучше, а как увидели второй раз Черняева, потом Розенбаха, а теперь Вревского, то стали хвалить Кауфмана: видим, что лучше его нет”», см.: Петровский Н. Ф. Туркестанские письма. М.: Памятники исторической мысли, 2010. С. 214.

ке в отношении Бухары и Хивы, как первому генерал-губернатору. Тем не менее нельзя сказать, что после 1882 г. руководители края в одностороннем порядке устранились от попыток влиять на ситуацию в ханствах – напротив, в течение некоторого времени они продолжали действовать столь же активно, что и К. П. фон Кауфман, однако, как представляется, эта активность вскоре и привела к ограничению их полномочий в отношениях с Бухарским эмиратом и Хивинским ханством.

Сразу стоит отметить, что изучение биографий первых трех туркестанских генерал-губернаторов развивалось весьма неравномерно: если К. П. фон Кауфману посвящено огромное количество научных, научно-популярных и даже публицистических работ¹, то жизнь и деятельность его преемников освещена гораздо скромнее. И если личность и деяния М. Г. Черняева все же привлекали внимание как современных ему авторов, так и последующих исследователей вплоть до настоящего времени², то едва ли не единственная публикация, посвященная Н. А. фон Розенбаху, насколько нам известно, – это часть обзорного очерка Д. В. Васильева о первых начальниках Туркестанского края³. Что же касается их политики в отношении среднеазиатских ханств, над которыми лишь недавно был установлен протекторат Российской империи, то этот аспект вообще не нашел освещения в трудах исследователей. А ведь именно от преемников Кауфмана зависело формирование

¹ См. подробнее: Почекаев Р. Ю. Эволюция взглядов на личность и деятельность первого туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана в отечественной историографии // Кунсткамера. 2019. № 2 (4). С. 164–176.

² Глуценко Е. А. Герои Империи. Портреты российских колониальных деятелей. М.: XXI век – Согласие, 2010. С. 344–453; Брежнева С. Н. «Ташкентский лев» генерал М. Г. Черняев // Личность в истории в эпоху нового и новейшего времени (памяти профессора С. И. Ворошилова): Материалы международной научной конференции. С.-Петербург, декабрь 2009 г. СПб.: ИД СПбГУ, 2010. С. 209–219; Брежнева С. Н. Генерал М. Г. Черняев: личность на фоне военной кампании по завоеванию Туркестана Россией // Вестник РУДН. Серия: История России. 2014. № 1. С. 106–117; Бабаджанов Б. М. Российский генерал-конквистадор в Русском Туркестане: взлеты и падения М. Г. Черняева // CIAS Discussion Paper. No. 35. 2013. P. 17–45; Мухамедов Ш. Б. Оренбург – Ташкент: исторические судьбы, или О том, как Михаил Григорьевич не послушался Николая Андреевича и что из этого получилось // Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей международной научно-практической конференции. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 105–111; Boulger D. Ch. Central Asian Portraits: The Celebrities of the Khanates and the Neighbouring States. London: W. H. Allen & Co., 1880. P. 225–233; Mackenzie D. The Lion of Tashkent: The Career of General M.G. Cherniaev. Athens: University of Georgia Press, 1974.

³ Васильев Д. В. Русский Туркестан: судьба и власть (туркестанские генерал-губернаторы в 1865–1886 гг.) // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. научных статей. К 50-летию со дня рождения А. В. Ремнева / Под ред. Н. Г. Суворовой. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 384–392.

дальнейшей политики России в отношении этих государств, равно как и отношения самих ханов к империи и ее властям. Соответственно, настоящее исследование, по сути, является первой попыткой охарактеризовать политику двух ближайших преемников К. П. фон Кауфмана в Туркестане по отношению к Бухарскому эмирату и Хивинскому ханству, выявить их собственную позицию по поводу протекторатов, а также их возможности по убеждению центральных имперских властей в целесообразности такой позиции. Основные источники, которыми мы пользовались – это официальная документация (нормативные акты, служебные документы, деловая переписка), записки и воспоминания современников.

Преемник Кауфмана, генерал-лейтенант М. Г. Черняев, в течение долгих лет считавший, что его предшественник «перехватил» у него пост генерал-губернатора и всячески старавшийся навредить ему¹, после назначения на должность в 1882 г. сосредоточил основные усилия на «войне памяти», т. е. борьбе с наследием Кауфмана, которое сам он именовал «оффенбаховщиной». Высокопоставленный туркестанский чиновник Г. П. Федоров прямо писал: «В каждом его слове, в каждом распоряжении ясно чувствовалась неприязнь его к Кауфману»². Проявилось это и в отношениях с ханствами Средней Азии: после многолетних кругов Кауфмана по «замирению» ханств и установления над ними контроля, поддерживавшегося фактически мирными средствами (после походов против Бухары в 1868–1870 гг. и против Хивы в 1873 гг. никаких военных действий туркестанские войска на их территории не вели), Черняев вновь прибег к агрессивной риторике, возобновив дискуссию 1850–1860-х гг. о необходимости окончательного присоединения ханств к России (заявляя, что доходы от нее покроют весь дефицит туркестанского бюджета), что вызвало недоумение в столичных правящих кругах³. На деле же Черняев оказался не в состоянии обеспечить контроль над Бухарой и Хивой, который осуществлял его предшественник.

Вскоре после своего прибытия в Туркестан он направил послание хивинскому хану Мухаммад-Рахиму II, запрещая ему присылать в Мерв (столицу «вольной Туркмении», находившейся под покровительством России) своего наместника, однако хан немедленно послу-

¹ Еще в 1870-е гг. в издаваемой им самим газете «Русский мир» Черняев вел самую настоящую информационную кампанию против Кауфмана, обвиняя его в некомпетентности, растрате средств и пр., см.: Глущенко Е. А. Россия в Средней Азии. Звонения и преобразования. М.: Центрполиграф, 2010. С. 290.

² Федоров Г. П. Моя служба в Туркестанском крае (1870–1910 года) // Исторический вестник. 1913. № 11. С. 439.

³ См.: Васильев Д. В. Русский Туркестан: судьба и власть. С. 380–384; Mackenzie D. The Lion of Tashkent. P. 223–224.

шался его, за что не понес никаких санкций¹. Желая «сохранить лицо», Черняев после переговоров с посланником хана Хивы соизволил разрешить ему и впредь присылать наместников в Мерв². Аналогичным образом не сумел Черняев заставить бухарского эмира Музаффара выполнять свои предписания: в течение двух лет он требовал от правителя Бухары провести телеграф через свои владения, но тот не только не выполнил этого распоряжения, но и со временем вообще перестал отвечать на послания генерал-губернатора и даже позволил себе задержать несколько русских офицеров, присланных в Бухару для обучения местных солдат-сарбазов, заявив, что отпустит их лишь после получения от российских властей 20 000 руб.³

Отношение среднеазиатских монархов, вероятно, следует связать с особенностями восприятия появления нового начальника Туркестан-

¹ А. С. Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881–1885 гг.). По архивным данным // Туркестанский сборник. Т. 506. Ташкент: Б. и., [1907]. С. 161–162. Хан, по-видимому, воспользовался сложной ситуацией вокруг Мерва, на контроль над которым претендовали как туркестанский генерал-губернатор, так и военный губернатор Закаспийской области, подчинявшийся главноначальствующему на Кавказе, см. подробнее: Васильев Д. В. 1) Цели и задачи Российской империи в Закаспийском крае при создании новой системы управления // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.: Сб. научных трудов. Алма-Ата, 19–23 августа 2019 г. / Науч. ред. Д. В. Васильев. М.: ОноТПринт, 2019. С. 282–290; 2) Дуализм российской администрации на восточном берегу Каспийского моря // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 1. С. 85–107. Вероятно, в рамках этого противостояния губернатор Закаспийской области П. Ф. Рерберг попытался «защитить» хана, заявив, что тот, вероятно, принял решение прислать наместника в Мерв до получения письма Черняева, см.: А. С. Очерки из истории присоединения вольной Туркмении. С. 164–165. Подобные противоречия между различными региональными администрациями Русской Центральной Азии мы не раз наблюдали и ранее, см.: Почекаев Р. Ю. 1) Между Санкт-Петербургом, Оренбургом и Астраханью: отношения Букеевского ханства с центральными и пограничными властями Российской империи // Формирование эффективной системы управления и самоуправления на Южном Урале в XVIII–XX вв.: Сб. научных трудов. Уфа; Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2014. С. 73–86; 2) Конкуренты или партнеры? Кавказ, Оренбург и Туркестан в присоединении Средней Азии к России (конец 1860-х – начало 1880-х гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. № 2. С. 202–216.

² См.: Записка барона Бенуа Мешэн о мервских туркменах 1883 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. VI. СПб.: Военная типография, 1883. С. 127; Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. № 2. С. 215.

³ Как писал преемник Черняева Н. О. фон Розенбах, в результате его правления «наше положение в ханстве [Бухарском. – Р. II.] было настолько испорчено, что самые крайние меры казались необходимыми», см.: Записки Н. А. фон Розенбаха // Русская старина. Т. CLXVI. 1916. С. 109.

ского края в соответствии с центральноазиатскими политико-правовыми традициями. Согласно давнему обычаю, каждый новый правитель, сменивший прежнего, должен был своими указами и распоряжениями подтвердить или отменить аналогичные волеизъявления своего предшественника. Естественно, Черняев этого делать не стал. Не возымели эффекта его грозные послания ханам и по той причине, что в свое предыдущее пребывание в Средней Азии ему не довелось воевать ни с Бухарой, ни с Хивой: все его военные предприятия были организованы против Кокандского ханства, которое ко времени его нового назначения уже несколько лет как перестало существовать. Естественно, он не внушал никакого страха и почтения бухарскому и хивинскому монархам – в отличие от их грозного победителя К. П. фон Кауфмана. Наконец, до них могли дойти сведения о его позиции в пользу присоединения Бухары и Хивы к России, равно как и о некоторых проявлениях неуважения к вассальным правителям¹. Например, в 1883 г. через Ташкент проезжал сын и наследник бухарского эмира Музаффар, Сейид Абдул-Ахад, но Черняев даже не встретил его, поскольку был занят небезызвестной (и даже анекдотической) экспедицией по Усть-Юрту, который он рассматривал как новый и перспективный маршрут для переброски русских войск в Центральную Азию².

Наконец, М. Г. Черняев, вероятно, надеясь на покровительство симпатизировавшего ему императора Александра III, за свое короткое правление умудрился испортить отношения со всеми центральными ведомствами, включая даже Военное министерство, которому он был подведомствен. Масла в огонь подлило намерение генерал-губернатора вмешаться в конфликт между Бухарским и Афганским эмиратами, для чего он даже начал переброску войск к бухарской границе. Как он сам писал, это было сделано по просьбе эмира, однако никто не сомневался в том, что Черняев намеревался вновь напомнить о своих боевых заслугах – особенно после того, как власти Закаспийской области сумели бескровно присоединить Мерв, и он чувствовал себя уязвленным этим³. Присоединение Мерва повлекло ухудшение отношений с Англией, и планы Черняева о присоединении ханств к России и войне с Афганистаном никоим образом не способствовали снятию напряжения в русско-британских отношениях⁴. В результате в

¹ Еще в период своего первого пребывания в Туркестане в первой половине 1860-х гг. Черняев неоднократно совершал провокационные действия против среднеазиатских ханств, надеясь развязать с ними крупномасштабные войны, которые должны были закончиться, по его замыслу, их полным разгромом и присоединением к Российской империи, см. подробнее: Бабаджанов Б. М. Российский генерал-конквистадор в Русском Туркестане. Р. 44.

² Федоров Г. П. Моя служба в Туркестанском крае. С. 442–443.

³ Mackenzie D. The Lion of Tashkent. P. 222.

⁴ Глушенко Е. А. Россия в Средней Азии. С. 318–320.

начале 1884 г. Черняев был смещен с должности, оставив по себе крайне негативные воспоминания и в Туркестане и в ханствах¹.

Назначенный новым туркестанским генерал-губернатором Н. О. фон Розенбах оказался, по сути, последним начальником края, который существенно повлиял на ситуацию в среднеазиатских ханствах и непосредственно участвовал в их фронтальной модернизации. При этом крайне любопытно отметить, что он, прежде никогда не служивший в Средней Азии, сумел очень быстро усвоить местные реалии и построить общение с правителями Бухары и Хивы максимально эффективно, причем с самого начала своего управления краем².

Так, еще будучи в Петербурге, он узнал о том, что бухарский эмир Музаффар постоянно игнорировал все письма и распоряжения М. Г. Черняева. Поэтому сразу по приезде в Ташкент, где его встречала бухарская делегация, он продемонстрировал им свое недовольство: поприветствовал сначала собственную охрану и лишь затем – послов, а принял их вообще лишь по прошествии нескольких дней, строго высказав на приеме все свои претензии к эмиру и потребовал выполнения всех распоряжений Черняева, хотя, как сам писал впоследствии, «некоторые из них, по моему мнению и были неосновательны, но, раз о них было сообщено генерал-губернатором, я признал необходимым настоять на выполнении их»³. Подобный подход оказался настолько эффективным и «понятным» для эмира, что он не только выполнил все распоряжения, отпустил задержанных офицеров, но и уже через

¹ Ср. версии отставки М. Г. Черняева: Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив. Т. СХХХ. № 6. С. 297; Черняева А. М. Государь император Александр III и М. Г. Черняев // Исторический вестник. Т. СХVІІІ. № 10. С. 155. Большинство современников и исследователей резко критикуют Черняева, чьи сложный характер и экстравагантное поведение, несомненно, служили благодатной почвой для этой критики. См., напр.: Бабаджанов Б. М. Российский генерал-конквистадор в Русском Туркестане. С. 44; Васильев Д. В. Русский Туркестан: судьба и власть. С. 382–384; Лишь его собственная дочь и биограф А. М. Черняева считает (по вполне очевидной причине), что «он собирался ввести ряд административных реформ в наших среднеазиатских владениях, так неудачно в течение пятнадцати лет управлявшихся его предшественником генерал-адъютантом К. П. Кауфманом», см.: Черняева А. М. Государь император Александр III и М. Г. Черняев. С. 152–153. Также С. Н. Брежнева довольно мягко пишет о том, что Черняев «не был предназначен для чиновной должности», а во всех его провалах обвиняет не его самого, а его «сотрудников и доверенных лиц», см.: Брежнева С. Н. «Ташкентский лев» генерал М. Г. Черняев. С. 217; Она же. Генерал М. Г. Черняев. С. 114–115.

² Из современников Н. О. фон Розенбаха, пожалуй, только Н. Ф. Петровский (у которого, похоже, вообще ни для кого не находилось доброго слова!) обвинял его в том, что он «ровно ничего не знает ни вообще в гражданском управлении, ни в частности Азии», см.: Петровский Н. Ф. Туркестанские письма. С. 168.

³ Записки Н. А. фон Розенбаха. С. 111–112.

два месяца провел в эмирате телеграф, чего так и не смог за два года добиться М. Г. Черняев.

Розенбах видел в телеграфе первый шаг к «мирному завоеванию ханства», по сути подразумеваемая под ним именно модернизацию Бухары и ее интеграцию в имперское пространство¹. С немецкой педантичностью он реализовал и следующие «шаги» в этом направлении – проведение железной дороги от Закаспийской области до Самарканда через бухарские владения и размещение российских гарнизонов в пограничных городах эмирата Чарджуе и Керки. Правда, это произошло уже после смерти эмира Музаффара, который до последнего вдоха старался сохранить баланс в отношениях между российской администрацией и собственными подданными, негативно относившимися к протекторату, на словах все время протиясь нововведениям. Кстати, и обстоятельства прихода к власти нового эмира также в известной степени свидетельствуют о степени российского влияния в Бухаре и умению Н. О. фон Розенбаха реализовывать имперскую политику в среднеазиатских ханствах мирными средствами.

Эмир Музаффар скончался осенью 1885 г., и многие «старые туркестанцы» из окружения генерал-губернатора не без оснований ждали кровавой борьбы за престол между его многочисленным потомством. Однако сам Розенбах незадолго до смерти эмира сообщил его наследнику Абдул-Ахаду, что тот «может рассчитывать не только на мою нравственную, но и в случае надобности и фактическую поддержку», поскольку официально был признан в статусе наследника российскими властями и лично императором. В результате сразу после смерти эмира Абдул-Ахад двинулся в Бухару в сопровождении одного только представителя России – генерала М. Н. Анненкова, однако и другим претендентам на престол, и населению Бухары оказалось достаточно самого факта обещания новому эмиру военной поддержки генерал-губернатором: он был признан монархом сразу же и бескровно вступил на престол².

В отличие от своего отца, Абдул-Ахад, несмотря на свое мусульманское воспитание, сразу же стал демонстрировать стремление к развитию своего государства, его приобщению к благам цивилизации. В частности, просил о том, чтобы его старший сын поступил в российское военно-учебное заведение³, а также заключил с Россией соглаше-

¹ Там же. С. 113.

² Записки Н. А. фон Розенбаха. С. 178–179; Федоров Г. П. Моя служба в Туркестанском крае. С. 447.

³ Эта просьба была удовлетворена: будущий эмир Сейид Алим-хан закончил Николаевский кадетский корпус в чине поручика Терского казачьего войска. Кстати, прецедент этому был положен еще ранее: уже в 1886 г. Сейид Мансур, младший брат Абдул-Ахада (дядя Алим-хана), закончивший пажецкий корпус,

ния о строительстве железной дороги через Бухару и учреждении российских поселений на территории эмирата. В течение своего правления он всячески проявлял интерес к «благам цивилизации» и старался по возможности применять их у себя¹.

Строительство Среднеазиатской железной дороги обсуждалось как предмет особой важности на межведомственном совещании в Санкт-Петербурге в марте 1886 г., и Розенбаху удалось убедить всех ключевых государственных деятелей в его целесообразности. Правда, представители некоторых ведомств все же проявили «самостоятельность»: министр путей сообщения К. Н. Посыет выступил против, поскольку был недоволен «тем, что дорога строилась распоряжением военного министерства», а министр финансов Н. Х. Бунге и государственный контролер Д. М. Сольский после совещания заявили, что согласились при условии, что дорога дойдет до Самарканда, а не до Ташкента. Тем не менее в целом проект был оценен благоприятно. Правда, общее впечатление едва не испортил все тот же М. Г. Черняев, который в «Новом времени» опубликовал статью, где «в совершенно неприличном тоне» доказывал невозможности прокладки железной дороги через пустыню между Мервом и Чарджуем. Однако повлиять на итоговое решение о строительстве он уже не мог – более того, за эту статью его тут же исключили из Военного совета, а вскоре и отправили в отставку².

Не менее красноречиво, чем имперские власти, пришлось Н. О. фон Розенбаху убеждать в необходимости железной дороги и правящую элиту Бухарского эмирата. Получив известие, что многие бухарцы враждебно настроены по отношению к ее строительству, генерал-губернатор тут же демонстративно приказал подготовить в Самарканде отряд в составе батальона пехоты, восьми орудий и двух сотен казаков, причем позаботился, чтобы сведения об этом тут же достигли Бухары. После этого заявил сановникам эмира: «при возникновении малейшего беспорядка я займу безотлагательно все ханство». Не ограничиваясь угрозой применения военной силы, Розенбах, впрочем, провел большую работу по разъяснению бухарским «министрам», что железная дорога пойдет на пользу не только России, но и Бухаре. В результате, как и воцарение эмира, строительство прошло совершенно мирно, и дорога была проложена «в Бухарском ханстве, считающемся центром мусульманского фанатизма!». Более того, эмир направил многочисленную представительную делегацию на церемонию открытия дороги, которая состоялась в Самарканде 15 мая 1888 г. Правда, впоследствии накануне визита Розенбаха в Бухару разгорелся спор, должен ли эмир встретить его на станции или же принять в сво-

был произведен в корнеты 3-го драгунского Сумского полка, см.: Разные известия. Военное и морское дело // Нива. 1886. № 17 (2). С. 443.

¹ Федоров Г. П. Моя служба в Туркестанском крае. С. 449–450.

² Записки Н. А. фон Розенбаха. С. 184–185.

ей резиденции. Розенбах, который, как уже отмечалось, прекрасно усвоил местные традиции, настоял на встрече на станции, при этом, впрочем, убедив представителей эмира, что если тот не встретит представителя империи на станции, это еще больше подорвет его престиж в глазах населения, чем факт встречи¹.

Наконец, еще один «шаг» по интеграции Бухарского эмирата в имперское пространство – размещение российских гарнизонов в пограничных населенных пунктах – стал, как ни парадоксально, проявлением миролюбивой политики Розенбаха, в этом отношении (как и во многих других) выступившего идейным наследником Кауфмана. Дело в том, что в 1886 г., вскоре после обсуждения проекта строительства Среднеазиатской железной дороги, некоторые военные сановники стали вновь поднимать вопрос о присоединении к России если не всей Бухары, то, по крайней мере, ее части – а именно «культурной полосы» по левому берегу Амударьи. Н. О. фон Розенбах отнесся к этому предложению резко негативно, вполне обоснованно заявив, что если лишить эмира хотя бы части его владений, «он потеряет веру в лояльность русской политики, и дальнейшие с ним сношения сделаются затруднительными, что лучше, если это признается своевременным, занять все ханство». И тут же предложил в качестве альтернативы размещение российских гарнизонов в Чарджуе и Керки, что и было проделано в ближайшие годы. В результате, как с торжеством отмечал Розенбах в своих записках, русским поселениям удалось «охватить железным кольцом Бухарское ханство», устранив необходимость переброски войск из Самарканда, переправы через Амударью и дав возможность в случае конфликта оккупировать Афганский Туркестан буквально в течение нескольких дней². Таким образом, Розенбаху без бряцания оружием удалось достичь того, к чему так стремился в свое время Черняев под лозунгами активных военных действий³.

Наконец, именно в правление Н. О. фон Розенбаха в Бухаре было учреждено Императорское русское политическое агентство, т.е. фактически дипломатическое представительство Российской империи (хотя возможность его учреждения обсуждалась при К. П. фон Кауфмане в 1870-е гг.). Большой удачей для генерал-губернатора было то, что его первым руководителем стал Н. В. Чарыков, который, хотя и был чиновником МИДа, прежде в течение ряда лет служил в Турке-

¹ Записки Н. А. фон Розенбаха. С. 186, 194, 199, 200–202. Правда, русский политический агент в Бухаре Н. В. Чарыков основные заслуги по убеждению эмира и его сановников в необходимости железной дороги в эмирате приписал себе, см.: Чарыков Н. В. Беглый взгляд на высокую политику. М.: ВИКМО-М; Русский путь, 2016. С. 137–140.

² Записки Н. А. фон Розенбаха. С. 186, 194–195, 203.

³ См.: Васильев Д. В. Русский Туркестан: судьба и власть. С. 387.

стане, и поэтому довольно легко нашел общий язык с Розенбахом, став его единомышленником¹.

Сам генерал-губернатор подчеркивал, что после этих событий Бухара перестала быть «обособленной», т. е. констатировал ее постепенное вхождение в имперское пространство.

В отношениях же с Хивой Н. О. фон Розенбах действовал не столь активно, причиной чему являлась отдаленность этого ханства от российских владений и особенности его внутреннего положения. Тем не менее ему удалось наладить отношения и с этим протекторатом.

Встреча с ханом Мухаммад-Рахимом II состоялась в 1886 г. в Петро-Александровске. Можно отметить, что мирное вступление бухарского монарха на престол произвело крайне благоприятное впечатление на хивинского хана: при встрече с генерал-губернатором он первым делом просил походатайствовать перед императором о признании наследником его второго сына. В знак своего благосклонного отношения к хану Розенбах устроил пышное пиршество с иллюминацией. При этом он отметил забавную, на его взгляд, деталь: во время обеда никто из хивинцев не пил вина, хотя было хорошо известно, что в Хиве многие себе это позволяют, а сам хан был большим любителем шампанского.

Розенбах убедился в правдивости слухов о том, что хан, несмотря на то, что был «человек еще молодой, полный сил и не лишенный природного ума, держал он себя все время с большим тактом», фактически не занимался государственным делами, передоверив их своему первому министру – диван-беги Мат-Мураду. Последний был известен как взятчик и вымогатель, который буквально грабил хивинцев. Генерал-губернатор дипломатично намекнул диван-беги, «что желание Императора Всероссийского, чтобы хивинцы, находясь под высоким его покровительством, жили бы счастливо и в полном благополучии». Как сообщал вскоре начальник Амударьинского отдела генерал-майор А. А. Гротенхельм, намек был понят, и Мат-Мурад стал «более умерен в своих вымогательствах». Как видим, Розенбаху удалось восстановить утраченный Черняевым контроль не только над Бухарой, но и над Хивой².

Понимание Розенбахом реалий среднеазиатских ханств, которые ему приходилось контролировать, нашло отражение еще в одном аспекте отношений между имперскими властями и правителями протекторатов – приеме посольств в Ташкенте и вручении даров. Генерал-губернатор всячески старался ограничивать эту практику, уменьшив число посольств из Бухары и круг своих чиновников, которым позволялось принимать подарки, мотивируя это тем, что с 1886 г. в Бухаре действует Русское политическое агентство, и многие вопросы можно решать на месте. Тем не менее он совершенно справедливо по-

¹ См.: Чарыков Н. В. Беглый взгляд на высокую политику. С. 136.

² Записки Н. А. фон Розенбаха. С. 188.

лагал, что «совершенно же отказаться от установленного веками на Востоке» и «отказать эмиру в принятии от него подарков значило бы оскорбить его». Поэтому все полученное лично им Розенбах жертвовал на церковь и благотворительность, а подчиненным запрещал продавать полученное от бухарцев¹.

Также стоит обратить внимание, что Н. О. фон Розенбах, подобно К. П. фон Кауфману, большое внимание уделял вопросам освещения проблем Русской Средней Азии в прессе. Правда, при этом с огорчением констатировал, что лишь его добрый знакомый М. Н. Катков регулярно публиковал такую информацию в «Московских ведомостях», тогда как «остальные газеты мало интересовались Туркестанским краем»². Едва ли не единственное исключение составила публикация в газете «Свет» в 1889 г., в которой Розенбах и его подчиненные обвинялись в том, что «принимают подарки от эмира, что обычай этот, подлежащий давно прекращению, поддерживается начальствующими лицами с корыстными целями при чем конечно делаются разные поблажки Бухарскому правительству». Учитывая вышеописанное отношение Розенбаха к подаркам, не приходится удивляться, что эта статья вызвала его негодование. Но еще большее негодование вызвало то, что газета и ее редактор не были привлечены властями к ответственности за свою клевету³ – по всей видимости, публикация носила «заказанный характер» и была обнародована по воле петербургских недоброжелателей генерал-губернатора. С большой обидой генерал-губернатор отмечал в своих записках, что после его отставки ни в одной газете не было отзывов о нем или оценок его деятельности⁴.

Однако причины такого невнимания достаточно легко объяснить основными тенденциями в развитии отечественной прессы того времени. Дело в том, что правительственные круги в последние десятилетия XIX в. предприняли ряд шагов по «унификации» сообщений средств массовой информации о событиях в Средней Азии. Например, в декабре 1885 г. был издан специальный циркуляр Главного управления по делам печати, в соответствии с которым основным официальным источником сведений о среднеазиатской политике Российской империи являлся «Русский инвалид», и другие периодические издания должны

¹ Там же. С. 203–204. В 1898 г. военный министр А. Н. Куропаткин официально предписал поступать с подарками правителей протекторатов именно таким образом, каким действовал Розенбах более чем десятилетием раньше, см.: Дмитриев С. В. «Бухарские подарки»: старинный восточный обычай в контексте российско-бухарских отношений конца XIX – начала XX в. // Рахмат-наме: Сб. статей к 70-летию Р. Р. Рахимова / Отв. ред. М. Е. Резван. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 120.

² Записки Н. А. фон Розенбаха. С. 186–187.

³ Там же. С. 203–204.

⁴ Там же. С. 187.

были заимствовать информацию по данной тематике именно из него¹. А поскольку у Розенбаха был конфликт с военным министром Ванновским (о котором будет сказано чуть ниже), то вполне вероятно, что последний просто-напросто не позволял освещать деятельность туркестанского генерал-губернатора в подведомственных изданиях.

Несмотря на впечатляющие достижения, Н. О. фон Розенбах в 1889 г. также был отправлен в отставку. Причиной тому, по-видимому, послужила бóльшая активность, чем ожидали от него при назначении на должность: в 1886 г. наконец, вступило в силу Положение об управлении Туркестанского края, в котором полномочия генерал-губернатора во многих сферах, в т. ч. и в отношениях с протекторатами, урезались, хотя и стали более упорядоченными². Вероятно, генерал-губернатор (принявший активное участие в разработке этого нормативного акта) не до конца следовал его предписаниям, и в столице сочли, что он выходит за рамки компетенции, предусмотренной Положением. Также нельзя не принять во внимание напряженность в отношениях Н. О. фон Розенбаха с его непосредственным начальником – военным министром П. С. Ванновским, причину которой сам генерал-губернатор видел в том, что во время болезни министра стали ходить слухи, будто император намеревается отправить его в отставку, заменив именно Розенбахом. Хотя туркестанский начальник при первой же встрече с министром постарался их опровергнуть, тот, по-видимому, продолжал испытывать к нему неприязнь и, хотя наружно поддерживал его проекты и ходатайства перед другими ведомствами и императором, подспудно неоднократно препятствовал их реализации³. Впрочем, в отличие от Черняева, фактически уволенного со скандалом, Розенбаху позволили обставить свое смещение в виде отставки по состоянию здоровья⁴.

Смещение Н. О. фон Розенбаха, как представляется, весьма ярко свидетельствовало о смещении центра регулирования взаимоотношений с протекторатами из Туркестана в Санкт-Петербург, а также из военного ведомства в дипломатическое. Даже при этом активном и деятельном генерал-губернаторе иностранные путешественники, побывавшие в Бухаре, отмечали, что всеми делами там ведает политический агент Н. В. Чарыков, который является более влиятельным в гос-

¹ Алексеев В. Н. Освещение вопроса «Вхождение Средней Азии и Казахстана в состав России» на страницах журнала «Русский вестник» // Вопросы истории Казахстана в русской дворянско-буржуазной и современной историографии советологов. Алма-Ата: Казахский педагогический ин-т им. Абая, 1985. С. 28.

² См.: Васильев Д. В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия 2018. С. 534–546.

³ Записки Н. А. фон Розенбаха. С. 179–180.

⁴ Ср.: Васильев Д. В. Русский Туркестан: судьба и власть. С. 391.

ударстве, чем сам эмир¹. Однако, как мы уже отметили, Чарыков в значительной степени выступал единомышленником Розенбаха и других представителей туркестанской администрации, являясь сторонником активных преобразований в Бухаре. В частности, за время его руководства политическим агентом ему удалось добиться от эмира Абдул-Ахада окончательной ликвидации рабства в Бухаре (хотя это уже было условием договоров эмирата с К. П. фон Кауфманом рубежа 1860–1870-х гг., о выполнении которого эмир рапортовал генерал-губернатору еще в 1875 г.²), отмены некоторых видов наиболее жестоких казней, закрытия тюрем-зинданов и т. д.³

После же отставки Розенбаха контроль региональных властей над процессами, происходившими в Бухаре и Хиве, еще больше сократился по объективным причинам – во главе Туркестанского края один за другим находились совершенно недееспособные администраторы – сначала пожилой барон А. Б. Вревский, не желавший вникать ни в какие дела, затем – престарелый С. М. Духовской, который, несмотря на активное передвижение по Туркестану и даже приезды в протектораты (несколько раз побывал в Бухаре), совершенно не мог заниматься никакими административными делами⁴. Соответственно, все больше и больше вопросы взаимоотношений с ханствами перетекали в руки Министерства иностранных дел.

Список источников и литературы

1. А. С. Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881–1885 гг.). По архивным данным // Туркестанский сборник. Т. 506. Ташкент: Б. и., [1907]. С. 133–167.

2. Айни С. Воспоминания / Пер. с тадж. А. Розенфельд; подгот. изд. А. Розенфельд, А. А. Семенова, Н. А. Кислякова, А. Н. Болдырева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 1088 с. М.; Л., 1960.

3. Алексеенко В. Н. Освещение вопроса «Вхождение Средней Азии и Казахстана в состав России» на страницах журнала «Русский вестник» //

¹ См., напр.: Добсон Д. Железнодорожный прорыв России в Среднюю Азию / Пер. Н. В. Банниковой. М.; Рязань: П. А. Трибунский, 2013. С. 138.

² Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. И-1. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора. Оп. 20. Д. 8223.

³ Чарыков Н. В. Беглый взгляд на высокую политику. С. 142–143. См. также: Айни С. Воспоминания / Пер. с тадж. А. Розенфельд; подгот. изд. А. Розенфельд, А. А. Семенова, Н. А. Кислякова, А. Н. Болдырева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 827; Becker S. Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924 / 2nd ed. London; New York: Routledge, 2004. P. 157.

⁴ Впрочем, среднеазиатские правители и таким неэффективным администраторам демонстрировали всяческое уважение: например, Духовской сразу по приезду в Ташкент получил от эмира Абдул-Ахада телеграмму с поздравлениями по поводу вступления в должность, а затем эмир с пышностью встречал его по прибытии в Бухару и преподнес роскошные дары, см.: Духовская В. Туркестанские воспоминания. СПб.: Изд. Тов-ва М. О. Вольф, 1913. С. 2–4, 64.

Вопросы истории Казахстана в русской дворянско-буржуазной и современной историографии советологов. Алма-Ата: Казахский педагогический ин-т им. Абая, 1985. С. 26–37.

4. Бабаджанов Б. М. Российский генерал-конквистадор в Русском Туркестане: взлеты и падения М. Г. Черняева // CIAS Discussion Paper. No. 35. 2013. P. 17–45.

5. Брежнева С. Н. Генерал М. Г. Черняев: личность на фоне военной кампании по завоеванию Туркестана Россией // Вестник РУДН. Серия: История России. 2014. № 1. С. 106–117.

6. Брежнева С. Н. «Ташкентский лев» генерал М. Г. Черняев // Личность в истории в эпоху нового и новейшего времени (памяти профессора С. И. Ворошилова): Материалы международной научной конференции. С.-Петербург, декабрь 2009 г. СПб.: ИД СПбГУ, 2010. С. 209–219.

7. Васильев Д. В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия 2018. 638 с.

8. Васильев Д. В. Дуализм российской администрации на восточном берегу Каспийского моря // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 1. С. 85–107.

9. Васильев Д. В. Русский Туркестан: судьба и власть (туркестанские генерал-губернаторы в 1865–1886 гг.) // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. научных статей. К 50-летию со дня рождения А. В. Ремнева / Под ред. Н. Г. Суворовой. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 351–392.

10. Васильев Д. В. Цели и задачи Российской империи в Закаспийском крае при создании новой системы управления // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.: Сб. научных трудов международного семинара. Алма-Ата, 19–23 августа 2019 г. / Науч. ред. Д. В. Васильев. М.: ОноТПринт, 2019. С. 282–290.

11. Глуценко Е. А. Герои Империи. Портреты российских колониальных деятелей. М.: XXI век – Согласие, 2010. 464 с.

12. Глуценко Е. А. Россия в Средней Азии. Звоявания и преобразования. М.: Центрполиграф, 2010. 575 с.

13. Дмитриев С. В. «Бухарские подарки»: старинный восточный обычай в контексте российско-бухарских отношений конца XIX – начала XX в. // Рахмат-наме: Сб. статей к 70-летию Р. Р. Рахимова / Отв. ред. М. Е. Резван. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 117–129.

14. Добсон Д. Железнодорожный прорыв России в Среднюю Азию / Пер. Н. В. Банниковой. М.; Рязань: П. А. Трибунский, 2013. 268 с.

15. Духовская В. Туркестанские воспоминания. СПб.: Изд. Тов-ва М. О. Вольф, 1913. 103 с.

16. Записка барона Бенуа Мешэн о мервских туркменах 1883 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. VI. СПб.: Военная типография, 1883. С. 122–131.

17. Записки Н. А. фон Розенбаха // Русская старина. Т. CLXVI. 1916. С. 100–114, 172–244.

18. Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив. Т. CXXX. № 6. С. 296–301.

19. Мухамедов Ш. Б. Оренбург – Ташкент: исторические судьбы, или О том, как Михаил Григорьевич не послушался Николая Андреевича и что из это-

го получилось // Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей международной научно-практической конференции. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 105–111.

20. Петровский Н. Ф. Туркестанские письма / Сост. В. Г. Бухерт. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 358 с.

21. Почекаев Р. Ю. Конкуренты или партнеры? Кавказ, Оренбург и Туркестан в присоединении Средней Азии к России (конец 1860-х – начало 1880-х гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. № 2. С. 202–216.

22. Почекаев Р. Ю. Между Санкт-Петербургом, Оренбургом и Астраханью: отношения Букеевского ханства с центральными и пограничными властями Российской империи // Формирование эффективной системы управления и самоуправления на Южном Урале в XVIII–XX вв.: Сб. научных трудов. Уфа; Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2014. С. 73–86.

23. Почекаев Р. Ю. Эволюция взглядов на личность и деятельность первого туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана в отечественной историографии // Кунсткамера. 2019. № 2 (4). С. 164–176.

24. Разные известия. Военное и морское дело // Нива. 1886. № 17 (2). С. 443.

25. Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 240 с.

26. Толбухов Е. Устроитель Туркестанского края // Исторический вестник. 1913. № 6. С. 891–909.

27. Федоров Г. П. Моя служба в Туркестанском крае (1870–1910 года) // Исторический вестник. 1913. № 11. С. 437–465.

28. Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. И-1. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора. Оп. 20. Д. 8223.

29. Чарыков Н. В. Беглый взгляд на высокую политику. М.: ВИКМО-М; Русский путь, 2016. 416 с.

30. Черняева А. М. Государь император Александр III и М. Г. Черняев // Исторический вестник. Т. CXVIII. № 10. С. 152–157.

31. Becker S. Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924 / 2nd ed. London; New York: Routledge, 2004. 348 p.

32. Boulger D. Ch. Central Asian Portraits: The Celebrities of the Khanates and the Neighbouring States. London: W. H. Allen & Co., 1880. 309 p.

33. Mackenzie D. The Lion of Tashkent: The Career of General M.G. Cherniaev. Athens: University of Georgia Press, 1974. 267 p.

34. Pierce R. A. Russian Central Asia 1867–1917: A Study in Colonial Rule. Berkeley; Los Angeles, 1960. 359 p.